
Recuperări

CZU : 811.161.1`367

Vera Medînskaia**(04.09.1937, Moscova, Federația Rusă –
24.08.2013)**

Studii: Institutul Pedagogic de Stat din Bălți, Facultatea de Filologie, specialitatea *Limba și literatura rusă* (1961). Doctor în științe filologice (1973). Conferențiar universitar la Catedra de limba rusă și lingvistică generală (1961-1988). Prodecan la Facultatea de Filologie (1973-1982). Distincții: insigna „Eminent al învățământului Public al RSS Moldovenești”.

**Анализ категории причины
с точки зрения контаминации и синкретизма
(по данным русского языка I половины 19 столетия)¹**

Глубокое изучение категории причины и всех средств ее выражения дает возможность заметить случаи функциональной контаминации и синкретизма каузальности с другими значениями, которые находятся на *периферии* по отношению к *центру* категории причины.

Интерес, который проявляют в настоящее время многие языковеды к этим синтаксическим явлениям, можно объяснить словами Ф. Энгельса: «... абсолютно резкие разграничительные линии несовместимы с теорией развития. [...] Диалектика признает в надлежащих случаях наряду с «или – или» так же «как то, так и другое» и опосредствует противоположности (выделено нами)» (Энгельс 1947: 193).

Прежде чем перейти к анализу конкретных фактов функциональной контаминации и синкретизма, целесообразно показать наше понимание этих синтаксических явлений. В словаре О. С. Ахмановой, где обобщается обширная литература вопроса, дается следующее определение контаминации: «Контаминация (скрещение) – взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» (Ахманова 1969: 206).

В учебной литературе термин *контаминация* очень часто применяется к морфологическому уровню и понимается как совмещение особенностей двух форм в одной форме, например, *самый сильнейший, самый интереснейший, самый кратчайший, самый нужнейший* и т.п. Эти *плеонастические выражения*

¹Text reproducă: *Ученые записки (Филологические науки)*, выпуск 14, Бельцы, Бельцкий институт, 1970, стр. 43-69.

.....
 (Розенталь 1968: 140) возникли в результате совмещения особенностей аналитической и синтетической формы превосходной степени (Виноградов 1960: 297).

Отмечена контаминация и на синтаксическом уровне, в частности, на уровне словосочетаний (Прокопович 1966: 181), например: *пренебрежение чем – неуважение к чему – пренебрежение к чему; расправа с кем-нибудь – издевательство, надругательство над кем-нибудь – расправа над кем-нибудь; восхищение кем-нибудь – восторг перед кем-нибудь (кем-нибудь) – восхищение перед кем-нибудь (кем-нибудь); процесс кого? – суд над кем? – процесс над кем? – интересоваться кем? – спрашивать о ком? у кого? – интересоваться о ком? у кого?*

На уровне предложений синтаксическая контаминация регистрируется в работе В. В. Бабайцевой, где под контаминацией понимаются такие синтаксические модели, «в которых сочетаются семантико-грамматические свойства синонимических типов разных структур» (Бабайцева 1967: 24). Аналогичное определение находим и в автореферате докторской диссертации этого исследователя (Бабайцева 1969: 9).

Как видим, в исследовании В. В. Бабайцевой термину *контаминация* придается совершенно новое значение. Кроме того, автор считает тождественными термины *контаминация* и *синкретизм*, замечая: «Мы разграничиваем два качественно различных вида переходных явлений: трансформационные и контаминационные (промежуточные, синкретичные, гибридные, периферийные)» (*ibidem*: 6).

Проф. В. Н. Мигирин в рецензии на книгу В. В. Бабайцевой «Переходные конструкции в синтаксисе» возражает против такого понимания и предлагает свое: «*Контаминация* как тип развития предполагает наличие в предшествующем состоянии двух четко различающихся единиц, на основе взаимодействия которых в последующем состоянии системы возникает третья единица, совмещающая частично или полностью их особенности: сильный – самый сильный – самый сильнейший; играть роль – иметь значение – играть значение и др. *Синкретизм* – качество исходной единицы, которое выявляется на основе сопоставлений разных состояний развивающейся системы, предшествующего и последующего. Например, качественные (прил.) и количественные (числительные) слова развились из такой исходной синкретичной формы, которая выражала качественное количество» (Мигирин 1968).

На наш взгляд, можно считать оправданным использование явлений контаминации и синкретизма для интерпретации синтаксических значений, однако контаминацию применительно к значению синтаксических структур предлагаем рассматривать как *совмещение* в одной конструкции двух разных значений, а синкретизм как *нерасчленение* двух синтаксических значений.

Собранные нами факты позволяют сделать вывод, что каузальное значение контаминировалось с атрибутивными, возможно, другими функциями. А в некоторых контекстах причина недостаточно четко противопоставлена

.....
 объектности, финальности, субъектности и др. Здесь, на наш взгляд, следует говорить о синкретизме синтаксических значений. Проанализируем различные зарегистрированные нами случаи.

Атрибутивно-каузальные значения

Совмещение атрибутивности и каузальности фиксируется уже многими исследователями в причастных оборотах и в оборотах с прилагательным, в которых имеются зависимые слова. Мы принимаем новую точку зрения на определение как член предложения. Согласно этой точки зрения, указанный член предложения называет признак или выделительный, или характеризующий (Лозебной 1967). Признак выделительный называется в тех случаях, когда необходимо выделить предмет как подмножество из множества, признак же характеризующий указывается тогда, когда необходимо приписать предмету какое-либо свойство. Например: Книга, прочитанная мною, *интересная*. Слово «интересная» называет признак характеризующий. Но сравните: Принеси мне *интересную* книгу. В последнем случае словом *интересную* обозначается признак выделительный.

Признак выделительный	Признак характеризующий
1. Человек, <i>не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей</i> , часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию (П., И. с. Г.).	1. ... сами французы, <i>умиротворенные реставрацией</i> , много поумнели против прежнего и даже совершенно переродились (Б. ДМ, т. 1)
2. Все другие великие художники, <i>настроенные высокостью религиозною или высокостью страстей</i> , небрегли об окружающем и второстепенном в картинах (Г., П. д. П.).	2. Один «кто-то», <i>движимый состраданием</i> , решил ... помочь Акакию Акакиевичу добрым советом ... (Г., Ш.).

Совмещение каузальности и атрибутивности возможно и в тех случаях, когда выражается признак выделительный, и в тех случаях, когда фиксируется признак характеризующий:

В этих и подобных примерах можно говорить о двойственной связи (Пешковский 1938: 385), например, «не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей» не только характеризует человека, но и разъясняет, почему он «часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию».оборот «французы, умиротворенные реставрацией», не только относится к слову «французы» и дает им характеристику, но и раскрывает причину того, почему французы «много поумнели и переродились».

Атрибутивно-каузальные значения могут быть представлены не только определительным оборотом, но и определительными придаточными предложениями. Как отмечают исследователи, такие определительные придаточные,

.....
 кроме основного определительного значения, могут дополнительно заключать в себе и ряд других, добавочных значений, которые наслаиваются на основное его синтаксическое значение. Чаще всего придаточное определительное предложение вступает с главным в добавочные причинные отношения: «Жены и дочери соседней редко ездили к Кириллу Петровичу, *коего обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам*». (П., Д.).

Придаточное определительное «коего обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам» явно имеет не только характеризующее, но и причинное значение. Это доказывается возможностью легко трансформировать данное предложение в придаточное причины: «Жены и дочери соседней редко ездили к Кириллу Петровичу, так как его обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам».

Вероятно, в данном случае каузальное значение доминирует над определительным настолько, что придаточное определительное полностью утрачивает свое значение.

По нашему мнению, причинный оттенок присутствует и в таких предложениях: «Он только вчера приехал, а успел уже поссориться с тремя стариками, *которые хотели прежде его сесть в ванну*» (Л., Гнв.); «Извозчики с криком и бранью колотили лошадей, *которые фыркали, упирались и не хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на красноречие кнутов*» (Л. Гнв.); «... слуги вышли с фонарями навстречу, улыбаясь и внутренне проклиная барина, *для которого они покинули свои теплые постели, а может быть, что-нибудь получше*» (Л., В.); «Он приобретает опытность, становится холодно-храбр и смеется над новичками, *которые подставляют лоб без нужды*» (Л., Гнв.).

Наличие такого оттенка подтверждается возможностью соответствующей трансформации.

Возможны такие случаи, когда причинность является единственным значением причастного оборота с опорным словом-прилагательным. В наших выборках такие факты, по сравнению с частотностью конструкций, контаминирующих атрибутивное и каузальное значения, более многочисленны: «Обольщенный моею славою, он стал было искать моего дружества.» (П., В.).

Собранный нами материал приводит к заключению, что определительные и причастные обороты с временным значением при именах собственных и личных местоимениях (при этом учитываем порядок слов) имеет только обстоятельственную функцию, в частности, причинное значение: «Артаксеркс, *устрашенный их неустрашимостью*, заключил с ними примирение...» (А., ИДГ, ч. 2,50).

По нашим данным, причинное значение усиливается тогда, когда причастный оборот стоит в одном ряду с обстоятельствами, выраженными деепричастиями. Нередко при этом они соединяются сочинительными союзами (Казакова 1956: т. 20). Например: «Но враги Алкивиада, *изумленные его без-*

.....
боязненностью и опасаясь восстания войска в его пользу, предложили отстрочить исследование дела до возвращения его из преднамеренного похода ...» (А., ИДГ, ч. I, 426).

Однако такие факты редки.

Как правило, в наших выборках обособленные согласованные определения с причинным значением преимущественно выражаются полными страдательными причастиями прошедшего времени (чаще) и настоящего времени (реже).

Встретились случаи выражения обособленных определений с причинным значением краткими страдательными причастиями (Иткина 1965) (очень редко): «Юрий был опытен, часто любил, чаще был любим и, *выучен привычкой*, читал в ее глазах больше, чем она осмеливалась читать в собственной душе. (Л., В.).

Каузальность может совмещаться и со значением приложения, присоединяемого союзами *яко* и *как* (а также без них) (Шелгунова): «На Кимона, *как главного виновника такого унижения*, обратили афиняне удары лютой мести ...» (А. ИДГ, ч. 1, 326).

Каузальность и обстоятельство обстановки, при которой совершается действие

В языке первой половины 19 в., как и в языке нашего времени, встречаются конструкции типа *при* + пр. п. (при виде, при мысли, при взгляде, при слове и т.п.) (Сухотин 1960), которые, очевидно, можно интерпретировать как совмещение причины и обстоятельства обстановки, *при* которой совершается действие: *При этих словах* судья чуть не упал со стула. (Г., И. И. Н.).

Проанализируем выражение «При этих словах судья чуть не упал со стула».

«При этих словах» можно интерпретировать двояким образом: то действие, которое выражается сказуемым, происходит одновременно с тем обстоятельством, которое представлено предложно-падежной группой – «при этих словах». И вместе с тем эту конструкцию можно рассматривать как возможную причину названного в предложении действия.

Каузальность и обстоятельство состояния у лица, в котором оно совершает действие

Указанное значение могут выражать конструкции «в + S_{прп}» где существительное обозначает название эмоций. Например: «*В рассеянности* проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей» (П., П. в А.); «... *в радости* чуть не дернул по всей комнате босиком трепака» (Г., Н.).

Подобные структуры уже попадали в поле зрения лингвистов, но с их интерпретацией указанных конструкций не можем согласиться.

Так, Р. Я. Калнберзинь в этих моделях видит «отношения способа действия, имеющие причинный оттенок» (Калнберзинь 1958: 61), В. П. Сухотин, замечая в них указание «на внутреннее состояние, внешнюю обстановку и условия

..... протекания действия», фиксирует те случаи, «в которых причинное значение проявляется вполне определенно и отчетливо» (Сухотин), но ничего не говорит о контаминации этих синтаксических значений.

Наиболее близкое понимание к нашему высказывает М. Д. Мишаева: «внутреннее состояние становится причиной действий, поступков лица» (Мишаева 1959: 124-125).

Проанализируем пример: «... *в припадке нетерпения* он не в силах был слушать никаких приказаний даже из ее уст» (Г., Н. пр.).

Припадок нетерпения – это состояние субъекта, при котором совершается действие. Но этим не исчерпывается значение структуры «в припадке нетерпения»: здесь мы усматриваем еще и особый случай причинно-следственных отношений: причина продолжает сохраняться и в тот период, когда проявляется следствие.

Аналогичные примеры: «*В испуге* выбежала она в сени» (Г., В. и И. К).

Тот факт, что подобные конструкции имеют и каузальное значение, подтверждается возможностью их нахождения в одном синонимическом ряду с явными причинными сочетаниями: «Печорин *в рассеянности или от другой причины* протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею» (Л., Гнв.).

Кроме того, анализируемые структуры могут употребляться в одном предложении с другим причинным выражением: «... это ему подало надежду ... увидеть его (Палицына) у ног своих, грызущего землю *в бешенстве*, целующего его руки *от страха...*» (Л., В.).

Если атрибутивность и каузальность, причина и обстоятельство обстановки, а также обстоятельство состояния лица контаминируются, то объектность и причинность а определенных контекстуальных условиях недостаточно четко дифференцируются, так что появляется возможность говорить о синкретизме этих синтаксических функций (Бабайцева 1969: 266). Явление синкретизма удобно объяснить, сопоставляя случаи его проявления на синтаксическом уровне с некоторыми аналогичными явлениями на уровне фонологии.

В фонологии используется положение о нейтрализации фонологических оппозиций. В одних фонологических положениях фонологические единицы различаются, выступая в сильной позиции, в других – не различаются, выступая в слабой позиции (Трубецкой 1960).

Понятие «нейтрализация позиции» можно успешно применять к на уровне морфологии. Наблюдаются контексты, когда грамматические формы четко противопоставляются друг другу, имеются и такие конструкции, где грамматические формы не четко дифференцируются. В последнем случае затруднительно установить принадлежность формы к определенному грамматическому классу, поэтому можно говорить о сильной и слабой позициях грамматической формы, или синкретизме (если значение исследуемой формы представлено в нерасчлененном виде). Например, причастия и прилагательные легко разграничиваются в тех случаях, когда при причастиях имеются пояснительные сло-

.....
ва, свойственные глагольной дистрибуции. И в этом случае можно говорить о сильной позиции двух грамматических форм – причастия и прилагательного.

В слабой позиции причастие и прилагательное выступают при отсутствии соответствующих зависимых слов. Ср.: *убитое животное – убитое охотником животное; уважаемый человек – уважаемый всеми человек.*

Прилагательное – причастие и существительное в одних контекстах четко разграничиваются, а в других они слабо дифференцируются. Рассмотрим, следующие примеры: *Ученые решают эту проблему – Ученые исследователи решают эту проблему.*

В этом контексте существительное и прилагательное четко противопоставляются друг другу. Но сравните: Он – ученый. Здесь слово *ученый* можно рассматривать и как существительное, и как прилагательное. Следовательно, в последнем случае наблюдается нейтрализация морфологических оппозиций.

Понятие нейтрализации можно применять и на уровне синтаксических значений, В одних синтаксических контекстах (имеется в виду окружение данного члена предложения другими) какие-либо члены предложения четко дифференцируются. В других же синтаксических контекстах они слабо разграничиваются. Таким образом, нейтрализация оппозиций проявляется на трех уровнях: фонологическом, морфологическом и синтаксическом. В тех случаях, когда сталкиваемся с нейтрализацией оппозиций на синтаксическом уровне, следует говорить, вероятно, о синкретизме.

Говоря о синкретизме (нерасчленении), каузальности и объектности, следует иметь в виду, что в предложениях с такими членами выражается двусторонняя связь. Событие является не только объектом данного действия, но и в то же время порождает это действие. Проанализируем выражение: 1. «... она дивилась его УМУ, его бурному нраву». (Л., В.). Ум и бурный его нрав являются предметом удивления, и в то же время они порождают это чувство. 2. «... который так гордился своим *дворянским происхождением*». (Л., В.).

Дворянское происхождение – предмет его гордости, но в то же время оно порождает эту гордость.

Аналогичные примеры: 1. «... тяжесть взятой нами на себя обязанности смущает нас своею *несоразмерностью* с нашими силами» (Б., САП); 2. «... рецензент от всей души тешился собственными фразами» (Г., ДЛ).

Собранный и проанализированный материал позволяет заметить, что в языке I половины 19 столетия каузальность может совмещаться со значением предмета, подвергающегося действию, например: 1. «Я негодовал *на низость и малодушие* зрителя.» (П., С. см.).

«Низость» и «малодушие» представляют собой объекты действия, и они то вызывают негодование, поэтому первой конструкции синонимично выражение: «Я негодовал *по причине (из-за) низости и малодушия* зрителя.»

Синтаксическая оппозиция может нейтрализоваться в связи с особенностями лексического заполнения противочлена. При глаголах эмоционального

.....
 состояния наблюдается синкретизм каузальности и объектности. Проанализируем выражения: «... я знал много мужей, которые *в восторге от тупости своих жен*. (Г., Н.нр.); «Дон-Жуан *в восторге от своего успеха*». (Б., САП).

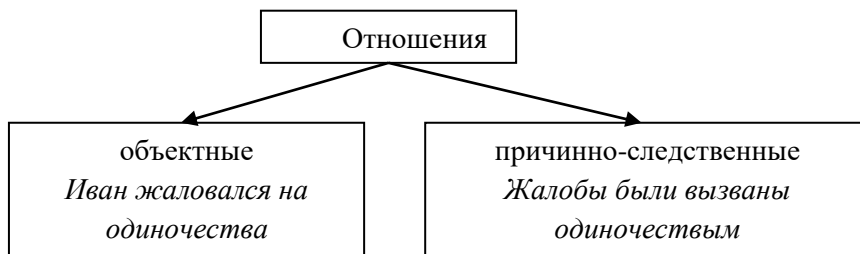
В этих моделях предмет воспринимается как объект, на который распространяются эмоции, и в то же время он рассматривается как причина, порождающая данное состояние. Поэтому возможны такие синонимичные конструкции: 1. «... я знал много мужей, которые *восторгаются глупостью своих жен*»; 2. «Дон-Жуан *восторгается своим успехом*». Аналогичны примеры: «Ямщик *был в таком изумлении от его щедрости*, как и сам француз *от предложения* Дубровского. (П., Д.).

Подобные факты встречаются и в языке нашего времени: «Пекинская пропаганда приходит в восторг *от того, что* после создания агитбригад в десятки раз увеличилось число портретов Мао Цзедуна в школах и учреждениях (Изв., 15970, 3) – *восторгается тем, что ... – в восторге от игры – восторгались игрой*.

Изучение словосочетаний, где стержнем являются слова, выражающие эмоциональное состояние, позволяет заметить, что расширяется совокупность явления, между которыми могут быть причинно-следственные отношения. Однако старые формы выражения прежних отношений временно сохраняются, например: «Вы жалуетесь *на продолжительность* и запутанность наших судебных форм и обрядов.» (МС, ПЗ); «Жалуются *на медленность* успехов просвещения и разных частей промышленности.» (МС, ИЗ).

Ясно, что жалобы были вызваны продолжительностью, запутанностью судебных форм и обрядов, медленностью успехов просвещения.

Наши рассуждения можно представить в следующей схеме:

Синкретизм каузальности и объектности при противочлене, выражающем различные внутренние, психические переживания, замечен нами в языке I половины 19 века не только на уровне словосочетаний, но и предложений, т.е. объект представлен в форме придаточного предложения (Федоров 1957: 118-119). Противочлен представлен такими словами: удивляться, бояться, побаиваться, досадовать, обидеться, сердиться, гневаться, жалеть, обрадоваться, раскаиваться, отчаиваться, дивиться, завидовать, бранить и др., например:

1. «... он *удивляется*, как не обратит на это внимание правительство.» (Г., Н.).

2. «Иные ужасно *обиделись*, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени.» (Л., Гнв.).

3. «Я боюсь, что мне с княжной придется начинать мазурку.» (Л., Гнв.)

4. «... бранит, что шатаюсь Бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам.» (Г., М. н.).

5. «... он ... завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его пр-ва.» (Г., З. с.).

Но мнению Прокуденко Н. А., у придаточного изъяснительного (с союзом *что*) при глаголах внутренних, психических переживаний наблюдается «переплетение причинного и изъяснительного значений», а при глаголах речи, мысли, восприятия – «объектный уточнитель (придаточное) ... является выражением содержания глагольного действия».

Наши наблюдения, в основном, соответствуют выводам Пронуденко Н. А. Однако не совсем ясно значение употребленного им термина «переплетение» (значит ли это контаминация, синкретизм или какое-то другое синтаксическое явление). Думается, целесообразно рассматривать данные конструкции (Вайс радовался, что...) как пример синкретизма. Кроме того, по нашим данным в качестве противочлена в таких моделях могут выступать не только глаголы, глагольные формы, но и слова категории состояния (краткие прилагательное) типа *рад, счастлив, доволен, виноват, жаль*. Примеры: «Бедняжка радуется, что у него нет дочерей...» (Л., Гнв.).

Разбирая придаточные местоименно-соотнесительного типа, Н. А. Прокуденко замечает, что «использование указанного местоимения в той или иной падежной или предложно-падежной форме в главной части сложноподчиненного предложения акцентирует внимание читателя (слушателя) на значение объекта, на который направлено переживание. Значение его причины отодвигается тем самым на второй план. На наш взгляд, и в том и в другом случае можно говорить о нерасчленении синтаксических функций. Сравните: «... я обрадовалась, что в отсутствие ее могу писать к тебе.» (Г., З. с.).

В противоположность Н. А. Прокуденко, предлагаем подобным образом интерпретировать предложения, относящиеся к противочлену со значением отрицательной эмоции (гнева, обиды). Для нас синонимичны выражения: «Герой наш расспросил, [...] доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе...» (Г. ДЦ).

Интересным для исследователя являются также те конструкции, где в качестве следствия выступают глагольные слова, выражающие этическую оценку действий субъекта, а в качестве причины – объект этической оценки, объект, к которому высказывается рассудочное отношение: «Извините, Андрей Иванович, за мое доброе желанье... (Г., МД).

Всё сказанное позволяет сделать некоторые обобщения.

В языке 1-ой половины 19 в. в сферу причинно-следственных связей втягиваются и те отношения, которые раньше не рассматривались как таковые. Доказательством этого является возможность замены одних форм связи другими, например:

1. *Я радуюсь вашим успехам* (из разговора).

Возможны преобразования:

Ваши успехи радуют меня. Я радуюсь в связи с вашими успехами.

2. *Обрадовался ли Петрушка приезду барина, неизвестно ...* (Г., МД).

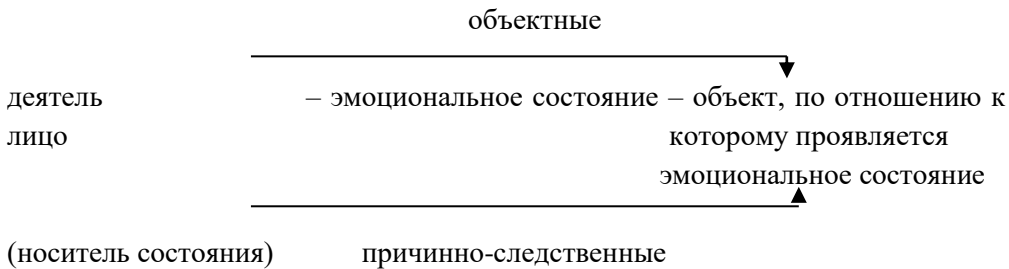
Возможны преобразования:

Обрадовал ли Петрушку приезд барина. Обрадовался ли Петрушка в связи с приездом барина.

Однако невозможно преобразование таких конструкций, которые выражают только объектные отношения:

Я завидую брату – Брат завидует мне.

Это «втягивание» новых отношений в орбиту причинно-следственных отношений можно представить в виде схемы:

Правильность наших выводов подтверждается наличием структур, где при глаголе со значением «раздражения» синтаксические отношения оформлены как явно причинные: «... Кеннеди ... и сам ворчал по поводу *отставания* США в космосе» (ж. *За рубежом*, 475,28).

Подобные конструкции пока не зафиксированы в толковых словарях, например, в академическом 17-томном и в словаре Ушакова указывается: *Ворчать... на кого-то и без доп.*

При глаголах, выражающих эмоции лица, его эмоциональные реакции, специальные причинные союзы могут и не употребляться, ибо явление, по отношению к которому проявляется эмоциональная реакция, легко осознается как причина без наличия специальных средств. Лингвисты, например С. Г. Ильенко, отмечают в семантике предложения три уровня:

1. синтаксический;
2. морфолого-синтаксический;
3. лексико-синтаксический.

На лексико-синтаксическом уровне синтаксические значения устанавливаются на основе лексического состава. Показателен такой пример: «Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться.» (Л., Гнв.).

Здесь причинно-следственные отношения специально не выражаются, но они узнаются на основе лексического значения слов.

.....
 Аналогичная картина наблюдается, когда одним из компонентов отношений является эмоциональная реакция, этическая оценка, душевное состояние и подобные. Мы имеем, таким образом, следующий тип отношений:

1-й член отношения – эмоциональная реакция, душевное состояние, этическая оценка;

2-й член отношения – явление, событие, с которым связаны душевное состояние, эмоциональная реакция и этическая оценка.

В подобных конструкциях отношения представлены как объектные, но такое объектное выражение отношений может иногда в качестве параллельного иметь выражение причинно-следственных связей. Можно предполагать, что эти объектные отношения со временем будут заменены причинно-следственными. Благодаря этому более четко будут дифференцироваться причинно-следственные и объектные связи.

Подобное перераспределение отношений между структурами наблюдается и в других случаях. Так, историки русского языка отмечают, что из сферы атрибутивных отношений в сферу объектных переместились отношения, выражаемые конструкциями «кнутово биение» и «Псковское взятие». Сейчас употребительны выражения: «биение кнутом» и «взятие Пскова».

Финально-каузальные значения

Как уже было нами отмечено, иногда в вопросительных предложениях причина и цель трудно разграничиваются, что объясняется нечеткостью временной перспективы между событиями, например: «Зачем вы убежали тогда от нас?» (Г., Н. пр.); «*Зачем же вы прежде не сказали, что вы импровизатор?*» (П., П. в А.).

Недифференцированное употребление причины и цели встречается и в повествовательных предложениях. Подобное синтаксическое явление легко обнаруживается путем использования такого приема исследования, как перевод выражения с грамматического уровня на лексический при сохранении единства понятийной категории. Прокомментируем сказанное на конкретных примерах: «Я пришел сегодня к вам по одному весьма важному делу.» (Г., И. И. Н.).

Выражение «по одному весьма важному делу» характеризуется слабой противопоставленностью причины и цели, что доказывается преобразованием: «Целью моего прихода к вам является одно весьма важное дело.»

То же и в вопросительных конструкциях: «Чего ж ты стоишь? Ведь я тебя не бью!» (Г., И. И. Н.)

Возможны следующие преобразования:

С какой целью ты стоишь? Что является причиной того, что ты стоишь?

Однако если синкретизма нет, то это двоякое преобразование невозможно: «Да *чего* вы скупитесь?» (Г., МД).

Допустима только такая трансформация:

Какова причина вашей скупости?

Невозможна конструкция:

Какова цель вашей скупости?

Таким образом, если в первых двух примерах можно вести речь о синкретизме причины и цели, то в последнем – только о наличии одного значения – причинного.

Синкретизм причины и цели может быть представлен не только наречием «зачем», но и другими формами: «*Для чего* недозволить ему переносить тогда в другое училище, также на определенное время, свои общепользные и часто необходимые наставления?» (ПСЗ); «Я бы недорого и взял. *Для знакомства* по рублику за штуку.» (Г., МД).

Сочетание «для знакомства» – типичная форма выражения финальных отношений, но в данном предложении имеет значение причины, поскольку знакомство уже состоялось.

Для редкости – по причине редкости (этого стихотворения).

В языке I половины 19 века функциональный синкретизм причины и цели замечается и в прономинативах *что* и *чего*: «*Что* тебе вздумалось дурачить их?» – спросил он Лизу. (П., Б-кр.).

Однако названные местоимения могут иметь чисто причинное значение (Канюкина 1959: 251):

1. «... *что* вы не работаете?» (Л., В.).
2. «Да *чего* же ты рассердился так горячо?» (Г., МД).
3. «... да *что* же твои приятель не едет?» (Г., МД).
4. «... кто стучит? *чего* расхотелись?» (Г., МД).

Нерасчленение причины-цели отмечены и в конструкциях типа *по* + дат.; *из* + род. п.: «Куда бы кто ни был посылаем и до какой бы *то ни было потребности*, он всегда прежде заходил на кухню...» (Г., В.).

Подобное явление нами замечено не только в простом, но и в сложном предложении: «Но прежде я должен был вам открыться, *чтобы вы не проклинали меня*, не презирали.» (П., Д.).

Эту недостаточную смысловую разграниченность *зачем* и *почему* можно понять на фоне истории развития каузальных и финальных отношений и на фоне истории местоимений русского языка. С точки зрения семантических множителей существует известная близость понятий причины и цели. Эта близость частично объясняет факты употребления *зачем* в значении *почему*.

История развития местоимений русского языка знает случаи недостаточной смысловой разграниченности разных местоименных выражений. Например, местоимение *что* употребляется в значении сколько, почему и зачем, как употребляется и в сравнительном значении, в значении когда. В старом языке *что* употреблялось в значении и *что* и *какой*.

Таким образом, *зачем* в значении *почему*, возможное в русском языке I половины 19 столетия, необходимо рассматривать как определенную фазу в формировании категорий каузальности и финальности.

Сильная позиция категорий каузальности и финальности наблюдается тогда, когда события рассматриваются в плане незаконченности и в плане настоящего или будущего времени, например: «И ты спрашиваешь, зачем я угрюм и молчалив.» (Л., В.); «Боже, боже ... теперь умереть ... О! зачем не теперь.» (Л., В.).

Итак, из сказанного можно сделать следующий вывод:

В языке I половины 19 века возможны случаи контаминации (атрибутивно-каузальное значение, каузальность и обстоятельство обстановки, каузальность и обстоятельство состояния лица, в котором оно совершает действие) и синкретизма (значение финально-каузальное, объектно-каузальное) синтаксических значений.

Принятые сокращения

- А., ИДГ – Арсеньев, *История народов и республик древней Греции.*
 Б., ЛМ – Белинский, *Литературные мечтания.*
 Б., НП – Белинский, *Ничто о ничем, или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы.*
 Б., РП – Белинский, *О русской повести и повестях г. Гоголя.*
 Б., САП – Белинский, *Сочинение Александра Пушкина.*
 Г., В. – Гоголь, *Вий.*
 Г., В. н И. К. – Гоголь, *Вечер накануне Ивана Купала.*
 Г., ДА – Гоголь, *О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах.*
 Г., Д. – Гоголь, *Женитьба.*
 Г., З. с. – Гоголь, *Записки сумасшедшего.*
 Г., И. И. Н. – Гоголь, *Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.*
 Г., ИФШ – Гоголь, *Иван Федорович Шпонька и его тетушка.*
 Г., МД – Гоголь, *Мертвые души.*
 Г., М. Н. – Гоголь, *Майская ночь, или утопленница.*
 Г., Н – Гоголь, *Нос.*
 Г., Н. пр. – Гоголь, *Невский проспект.*
 Г., П. – Гоголь, *Портрет.*
 Г., П. д. П. – Гоголь, *Последний день Помпеи. Картина Брюллова.*
 Г., Р. – Гоголь, *Рим.*
 Г., С.м. – Гоголь, *Страшная месть.*
 Г., С.я. – Гоголь, *Сорочинская ярмарка.*
 Г., ДБ – Гоголь, *Тарас Бульба.*
 Г., Ш. – Гоголь, *Шинель.*
 Л., А.-К. – Лермонтов, *Ашак-Кериб.*
 Л., В., – Лермонтов, *Вадим.*
 Л., Гнв. – Лермонтов, *Герой нашего времени.*
 Л., Кн. Л. – Лермонтов, *Княгиня Лиговская.*
 Л., П. н. – Лермонтов, *Путевые наброски.*
 П., Б-кр. – Пушкин, *Барышня-крестьянка.*
 П., В. – Пушкин, *Выстрел.*
 П., Д. – Пушкин, *Дубровский.*
 П., Е. н. – Пушкин, *Египетские ночи.*
 П., З. м. ч. – Пушкин, *Записки молодого человека.*
 П., И. с. Г. – Пушкин, *История села Горюхина.*
 П., КД – Пушкин, *Капитанская дочка.*
 П., П. в А. – Пушкин, *Путешествие в Арзрум.*

.....
 П., ПД – Пушкин, *Ликовая дама*.
 П., С. см. – Пушкин, *Станционный смотритель*.
 МС., ПЗ – Сперанский, *Проекты и записки*.
 ПСЗ – *Полное собрание законов Российской империи*.

Библиография

- Ахманова, О. С., *Словарь лингвистических терминов*, Изд. 2-ое, Москва, 1969.
- Бабайцева, В. В., *Переходные конструкции в синтаксисе*, Воронеж, 1967.
- Бабайцева, В. В., *Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений*, Ленинград, 1969.
- Виноградов, В. В., *Грамматика русского языка*. т. 1. *Фонетика и морфология*, Москва, 1960.
- Громаковская, О. А., *Структурный и смысловой параллелизм сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими и придаточными дополнительными и из синонимика*, Куйбышев, 1963.
- Ильенко, С. Г., *Каково соотношение между структурой предложения и его содержанием?*, in *Филологические науки*, Москва, 1962. №1.
- Иткина, Р. С., *Предикативно-обстоятельственные обороты с союзом КАК*, Воронеж, 1965.
- Казакова, Е. А., *Обособленные определения с обстоятельными значениями*, in *Известия Воронежского госпединститута*, том 20, Воронеж, 1956.
- Калнберзинь, Р. Я., *Синтаксическая синонимика предложных словосочетаний современного русского литературного языка с причинными отношениями (на материале полного собрания сочинений А. М. Горького)*, Рига, 1958, №11.
- Канюкина, Е. В., *Местоименные вопросительные предложения, направленные на выяснение обстоятельных значений (по памятникам 9-17 веков)* in *Вопросы истории языка*, Москва, 1959.
- Лобзэ, М., *Из истории причинных и целевых отношений*, Москва, 1965.
- Лозебной, И. С., *Частотность употребления и принципы выбора морфологосинтаксических типов для выражения атрибутивных отношений в русском языке*, канд. дисс., Симферополь, 1967.
- Мальцев, М. Д., *Заметки о вопросах и вопросительных предложениях причины и цели в языке А. С. Пушкина*, in *Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена*, т. 76. Каф. русск. яз., Ленинград, 1949, с. 217.
- Мигирин, В. Н., *Отзыв об исследовании Бабайцевой «Переходные конструкции в синтаксисе»*, Симферополь, 1968, машинопись.
- Мишаева, М. Д., *К вопросу о синонимике конструкций с предлогом в современном русском языке*, in *Ученые записки Ульяновского госпединститута им. И. Н. Ульянова*, том 15, выпуск 1, 1959, с. 124-125.
- Никитин, В. М., *Обстоятельство как грамматическая категория в современном русском языке и его место в системе второстепенных членов предложения*, Ленинград, 1961.
- Пешковский, А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 6, Москва, 1938.
- Прокопович, Н. Н., *Словосочетание в современном русском литературном языке*, Москва, 1966.
- Розенталь, Д. Э., *Практическая стилистика русского языка*, Изд. 2-ое, Москва, 1968.
- Сухотин, В. П., *Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке*, Москва, 1960.
- Толковый словарь русского языка*, под ред. Ушакова Д. Н., Москва, 1935.
- Трубецкой, Н. С., *Основы морфологии*, Москва, 1960.
- Федоров, А. К., *Употребление подчинительного союза что в современном русском языке*, in *Ученые записки Калин. Пединститута*, т. 19, вып. 2, Калинин, 1957, с. 118-119.
- Энгельс, Ф., *Диалектика природы*, Москва, 1947.